

СЕРИЯ «МОСТ И МЕЧ»
У КАМИНА

ДЖ.С. АНДРИЖЕСКИ

Annotation

Элли и Ревик боролись за то, чтобы быть вместе, и эта борьба заняла у них больше года после того, как они впервые завязали свою связь видящих в Сиэтле. Тогда Элли только-только узнала, что она — видящая, а не человек, и она понятия не имела, что значит быть видящей. Она также едва знала Ревика, хотя притяжение между ними было невероятно сильным уже тогда. Теперь, год спустя, они прошли через ад и обратно, и вместе, и в разлуке. И вот Ревик наконец сумел остаться с ней наедине... — Бонусный рассказ к миру «Моста и Меча», действие которого происходит примерно после 25–28 глав «Щита» (Мост и Меч #2)

- [Дж. С. Андрижески](#)
 - [Информация о переводе:](#)
 - [* * *](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Дж. С. Андрижески
У камина
Мост и Меч — 2,5

Информация о переводе:

Перевод: **Rosland** (<https://vk.com/vmrosland>)

Русификация обложки: **Rosland**

* * *

Сколько я его знала, он всегда был молчаливым.

Это стало уже дежурной шуткой, и не только между нами. Его друзья шутили по этому поводу. Его тётя несколько раз отпускала едкие реплики на этот счёт за последние несколько недель, пока тренировала меня. Его наставник, Вэш, тоже шутил об этом.

Мои друзья сейчас тоже шутили на эту тему — особенно мой приёмный брат, Джон.

Но в некоторые моменты той ночи Ревик не был тихим.

Он был вовсе не тихим.

Зная его больше года, справляясь с его непробиваемым молчанием, справляясь с лишёнными выражения взглядами этих стеклянных глаз, поджатыми узкими губами, когда я пыталась разговаривать с ним, буду честна — это выводило меня из себя. Я привыкла пытаться прочесть эмоции по выражениям лиц, но у Ревика они были такие неоднозначные, что я часто не могла понять, означают ли они раздражение, озадаченность или откровенное непонимание того, что я ему говорила.

Когда Ревик внезапно, ни с того, ни с сего заговорил со мной — не о тренировках видящих, не об экстрасенсорных щитах, не о культуре видящих, не об истории или законах видящих, а о настоящих личных вещах между нами, и касающихся не только меня — это совершенно выбило меня из колеи.

Конечно, все в той ночи выводило из равновесия.

Первый приступ разговорчивости Ревика случился сразу после того, как мы в первый раз занялись сексом, сразу после его первого оргазма со мной. Он в той или иной мере утратил контроль практически в то же мгновение, когда я открыла свой свет.

Он утратил контроль, затем кончил — затем, похоже, сгорал со стыда из-за этого.

Я не уверена, что это было смущение как таковое, по крайней мере, не то, что я подразумевала под этим словом. Но, пожалуй, это самое близкое к смущению, что я чувствовала от Ревика.

Однако он открыто говорил со мной об этом.

Он предельно ясно дал понять, что именно открытость моего света стала причиной, по которой он сорвался. Он сказал, что это ощущение меня там, ощущение меня в этом плане. Ощущение настоящей меня, пока его член удлинился во мне. Комбинация этих факторов определённо заставила его кончить, Ревик сам мне сказал.

Он сказал, что когда он утратил контроль над своим светом, его тело естественным образом последовало.

Свет для видящих — дело важное, я это знала.

Я постепенно приходила к пониманию, что свет играл особенно большую роль, когда дело касалось секса.

И все же вся эта ситуация шокировала меня.

Не сами разговоры как таковые. Хотя и это меня удивило.

Нет, на самом деле меня шокировала откровенность Ревика.

Его реакция на мою открытость с ним шокировала меня, как и его интерес в стимулировании этого, в попытках заставить меня открываться для него всякий раз, когда он просил, и так сильно, как он просил, особенно когда мы трахались. Его манера выражаться шокировала меня, его откровенная конкретность и совершенная беззастенчивость, когда он описывал какие-то моменты, связанные с нашими телами и живым светом.

Сама его готовность говорить со мной обо всем, чего он хотел, шокировала меня — даже если не считать, что он вообще ни разу не стеснялся в выражениях.

Его прямота шокировала меня и в других отношениях.

Он прямо говорил о том, что он чувствовал, и с какой интенсивностью. Эмоции, которые я уловила за некоторыми его просьбами, тоже шокировали меня.

Его полное отсутствие фильтров шокировало меня.

Почему-то тот факт, что мы двое наконец вместе, по крайней мере, в этом отношении, превратил Ревика в существо, которое я едва узнавала.

Однако вскоре после этого он вновь сделался тихим.

Может, потому что почувствовал мою ошарашенную реакцию на перемены в нем.

Может, потому что я совершила ошибку и поддразнивала его на этот счёт, хотя в то время мои слова, похоже, ничуть его не обеспокоили.

Может, дело вообще не в том, что я сказала или сделала. Может, Ревика беспокоило то, что он утратил контроль. Может, он все ещё беспокоился, что напугает меня, слишком на меня надавит или скажет слишком много.

В эти недолгие болтливые моменты он шутил, что хочет дать мне причины не уходить от него — причины, по которым я бы захотела хранить ему верность. Он шутил про то, как он потерял контроль, кончил слишком быстро, оттрахал меня в тот первый раз, как сексуально неопытный подросток. Он шутил о том, что секс для меня, должно быть, оказался не самым лучшим, и ему нужно привыкнуть к моему свету, пока я его не бросила.

Он говорил мне, что мой свет другой, но не особо углублялся в детали. Он сказал, что ему нужно привыкнуть к этому отличию, пока я не заскучаю и не стану раздражаться из-за его нехватки самоконтроля.

Я гадала, сколько в этих словах содержалось доли шутки.

Я также гадала, насколько ясно я его видела, учитывая все наши моменты в прошлом.

Отчасти мне все ещё сложно было воспринимать его без фильтров прошлого. Я не знала, какой стороне Ревика верить, какая его сторона — настоящий Ревик.

До сих пор мне всегда казалось, что это я за ним гонюсь.

По правде говоря, я ненавидела наши отношения за то, какими неравными они казались, но я не знала, что с этим можно поделать. Казалось, что такова наша реальность, и все тут. Наверное, я могла бы играть с ним в игры, встречаться с другими видящими, пока между нами все было неоднозначно. Я могла бы спать с людьми на корабле, как это делал он.

Я могла бы переспать с одним из видящих, которые делали мне непристойные предложения, пока Ревик отсутствовал.

Наверное, я много чего могла бы сделать, но я помнила, каково мне было в те моменты, и мне не хотелось так поступать. Я никогда не была хороша в подобных играх и не питала к ним интереса.

С моей точки зрения, если ты один раз пошёл по наклонной дорожке, то пиши пропало.

Так что нет, я никогда не поступала так с Ревиком.

Я была довольно честна с ним относительно своих намерений и действий, и с разумом, и со светом. Я не всегда проговаривала это словами, но я никогда не врала ему. И учитывая, что он — видящий с превосходной тренировкой, я никогда не утруждалась озвучивать то, что казалось без слов понятным нам обоим. Я решила, что мы оба знаем о чувствах, которые я к нему испытываю.

Я также решила, что мы оба знаем о безответности моих чувств.

Я принимала его действия и слова за чистую монету.

В первые месяцы нашего знакомства Ревик и говорил, и показывал мне, что он меньше всего хотел отношений со мной. Хотя несколько раз его нормальные для видящего гормоны брали верх, сбивая нас обоих с толку, Ревик предельно ясно дал понять, что видел во мне ту, за кого он несёт ответственность, может, даже друга, но на этом все.

По той же причине я не привыкла беспокоиться о нем в этом отношении.

Я вообще не привыкла думать об его чувствах, когда дело касалось этого аспекта между нами.

Я всегда видела Ревика как довольно уверенного в себе мужчину в этом отношении. Не совсем высокомерного, но определённо уверенного в себе, своих способностях и разуме, уверенно знающего, чего он хочет в сексе и всем остальном, и уверенно знающего положение дел между нами.

Теперь же я ощущала его неуверенность так же сильно, как свою собственную.

Я не особенно представляла себе, что с этим делать или как увязать эту информацию со всем, что мы пережили за последние двенадцать месяцев. Я определённо не знала, как вести себя с Ревиком.

Однако я все ещё попыталась поверить ему на слово, когда Ревик сказал мне, что он беспокоится.

Я старалась быть тактичной.

Ещё до того, как мы начали заниматься сексом, я сказала, что знаю, чего я хочу с ним. Я сказала ему, что люблю его. Я сказала ему, что хочу за него замуж. Я даже сказала ему, что хотела секса с ним — дошла до того, что открыто просила об этом.

Однако я чувствовала, как Ревик гадает, понимала ли я, что все это значит.

Он нервничал из-за того, что я не полностью понимаю ситуацию — особенно брак с видящим.

Я даже улавливала конкретные поводы для беспокойства.

Он беспокоился из-за того, что ему известно о связи видящих, о том, какими ревностными становились видящие, когда обзаводились супругом — особенно в начале, особенно когда они связывались с партнёром на всю жизнь. Он беспокоился о том, какими собственниками становились видящие, каким собственником мог стать он, особенно в начале нашего брака. Он беспокоился о том, какими нестигаемыми могли становиться видящие, когда дело касалось сильных эмоций. Он особенно беспокоился о том, какими нестигаемыми могли становиться видящие, когда дело касалось их супругов.

Он беспокоился, что сделается гиперчувствительным, остро реагирующим, властным — или что такой стану я, и я не буду знать почему, или что я слишком строго буду судить себя за вещи, которые он считал поистине типичными для видящих, поистине находящимися за пределами нашего контроля, по крайней мере, вначале.

Он беспокоился, что я не понимаю, как много нам будет хотеться секса.

Он беспокоился, что я захочу более человеческих отношений, потому что такие вещи мне знакомы.

Он беспокоился, что я отвергну его, если это станет для меня слишком.

Я тоже видящая, конечно же.

Ревик это знал.

Он также знал, что меня двадцать восемь лет воспитывали как человека, с человеческим братом, человеческими родителями, человеческими бойфрендами. В моей прежней жизни у людей вроде меня не было поводов пересекаться с настоящими видящими во плоти.

Лишь богатые люди могли позволить себе владеть видящим. Лишь богатые люди, директора корпораций или военные работали вместе с ними. Даже видящие-проститутки далеко не по карману среднестатистическому человеку — это при условии, что ты вообще интересуешься таким. А я таким не интересовалась.

Смысл в том, что в моей прежней жизни видящие находились вообще на другой орбите.

И конечно же, никто в здравом уме не захотел бы стать видящим.

Конечно, многие люди романтизировали видящих. Некоторые хотели заполучить их экстрасенсорные способности. У некоторых был фетиш на их внешность, их члены, их способности делать что-то с людьми, внушать им что-то или контролировать их. Видящие определённо имели поклонников.

Черт, да видящим посвящались целые религии.

И все же суровая реальность заключалась в наличии рабства, пусть и в красивой обёртке.

Проснувшись в первый раз, голая и лежащая рядом со своим новоявленным мужем, я поймала себя на том, что опять думаю обо всем этом, и о самых настоящих отличиях между нами.

Я уставилась в потолок деревянной хижины в Гималаях, куда привёл меня Ревик, и наблюдала, как отсветы пламени образуют узоры на беленой поверхности.

Он беспокоился, что я сочту хижину недостаточно роскошной для того, что по сути являлось нашим медовым месяцем. Впервые приведя меня сюда, Ревик ходил за мной хвостиком, периодически касаясь моего света и пытаясь определить мою реакцию на выбранное им место.

Ему не нужно было беспокоиться.

Я в восторге от этого места.

Ревик сказал, что он вырос в похожем доме, только ещё более изолированном.

Вспомнив об этом теперь, я опять подумала о различиях между нами — не только в том, как мы выросли, но и в нашем видении мира. Я гадала, может, Ревик прав, что беспокоится об этом. Я гадала, не станут ли эти различия в итоге проблемой.

Он всю свою жизнь прожил как видящий.

Он работал как профессионал — то есть, как парень, который продавал своё тело людям для секса. Им владели — ну или как минимум его арендовали. Он годами работал на человеческую армию. Он видел войны. Он прожил примерно на семь десятилетий дольше меня, и большую часть этого времени он проработал как разведчик — своего рода шпион-видящий, которого нанимала армия, правоохранительные органы и крупные корпорации.

Ревик говорил, что с его точки зрения он жил привилегированной жизнью по сравнению с большинством видящих.

В конце концов, он работал только по временным контрактам; он никогда не принадлежал кому-то окончательно и бесповоротно.

Наличие клановой метки означало, что его нельзя легально поработить, пока он не злил человеческие власти. Он мог сойти за человека, что служило дополнительной защитой, особенно когда он носил цветные контактные линзы.

Я обдумывала все это, уставившись в потолок и растянувшись на мягком шерстяном ковре возле гаснущих угольков очага, который, должно быть, разжёл Ревик — я не помню, чтобы он разводил огонь.

Теперь огонь затухал. Я начинала мёрзнуть.

Как только я об этом подумала, Ревик перекатился на бок.

Я смотрела, как он моргает своими прозрачными, как будто стеклянными глазами, уставившись на красные угольки внизу очага. Красноватые отсветы отражались в этих похожих на прозрачные кристаллы глубинах, пересекаемых мириадами сеточек. Затем он по-кошачьи сдвинулся с места, так грациозно, что я зачарованно наблюдала, как он приседает на корточки.

Я не хотела, чтобы он даже сейчас находился далеко от меня.

Когда он спал возле меня, легко было нормально реагировать на такие вещи. Теперь, когда он проснулся, я стала остро осознавать интенсивность нужды в том, чтобы он оставался рядом.

К сожалению, осознание ничуть не ослабляло эту нужду.

Я подвинулась ближе ещё до того, как мысль сформировалась окончательно.

Ревик встал на колени перед очагом и начал накладывать на приподнятые железные решётки расколотые поленья из стопки рядом, а я подбиралась ближе, пока мои пальцы не сумели обхватить его лодыжку. Я всмотрелась в его лицо, крепко сжав свою ладонь.

Может, просто чтобы напомнить ему, что я рядом.

Может, чтобы не дать ему уйти куда-то ещё.

Ревик с улыбкой обернулся, его черные волосы стояли торчком. Его пальцы приласкали мою руку, державшую его, и послали интенсивный импульс жара. Каким-то образом в этом импульсе Ревик дал мне понять, что тоже хотел моей близости, что он хотел чувствовать на себе мою руку.

Он явно выразил своё нежелание, чтобы я куда-то уходила без него, даже в пределах дома.

Затем он вернулся к складыванию поленьев в камин, а потом наклонился и принялся раздувать угли.

«Все хорошо, — сказала я ему. — Теперь уже нормально».

«Ты замёрзла».

«Теперь уже нет. Я не буду мёрзнуть, если ты будешь поближе ко мне».

Ревик усмехнулся и обернулся ко мне.

Однако он все ещё оставался перед огнём, опустил одно колено, затем другое, и встал на колени. Он слегка пошевелил поленья, пока они не занялись по-настоящему. Даже когда пламя разгорелось, Ревик лишь продолжал стоять на коленях, скрестив руки и наблюдая за огнём.

Я чувствовала, что он думает, но лишь отдалённо.

Он все ещё закрывался от меня щитами.

«Не особенно, — послал он. — Я не закрываюсь по-настоящему, Элли».

«Ты закрываешься сильнее меня, — послала я. — Ты скрываешь от меня то, о чем думаешь. Это вызывает у меня паранойю. Что, если бы я скрывала от тебя свои мысли прямо сейчас?»

Я чувствовала, как он думает об этом.

Я ощутила некий наклон в его разуме и свете, пока Ревик думал над этим, боролся с тягой в своём свете и, возможно, в моем. Я ощутила, как в нём поднимается дрожь паранойи. Всё это напоминало мне ситуацию, когда сидишь с друзьями в баре слишком долго и уже забываешь, что пьян.

Ревик повернулся, посмотрев на меня.

«Я почувствовал, о чем ты думала ранее, — послал он нерешительно. — Ты думаешь, что я не честен с тобой. Ты не доверяешь мне, Элли».

Я крепче стиснула его лодыжку.

«Я доверяю тебе, — сказала я ему, опять используя свой разум. — Я доверяю тебе как никому другому, Ревик. Я думала вообще не об этом...»

«Не в отношении моих чувств, — перебил он. — Ты не доверяешь тому, что я чувствую. Ты не веришь до конца в то, что я тебе сказал, — боль мягко вплеталась в его мысли. — Теперь мы женаты, Элли. Мы женаты».

Я влила тепло в его свет, одобрение, и увидела, как Ревик прикрыл глаза.

Я понимала, что он отнюдь не убедился.

Более того, я не до конца понимала, что его беспокоит. Я также не понимала, какие из моих мыслей ранее встревожили его. Все ещё всматриваясь в его лицо, я постаралась обдумать его слова и подвинулась по ковру ближе.

«Я доверяю тебе, — послала я. — Я верю всему, что ты мне сказал, Ревик, — я помедлила, все ещё стараясь обдумать его слова, думать вопреки тяге его света. — Но ты должен отпустить себя, Ревик. В какой-то момент мы оба должны отпустить себя, верно? Даже в этом?»

Он открыл глаза, посмотрев на меня.

В этот раз хрустальные радужки смотрели пронизывающе.

Он все ещё ничего не говорил.

На протяжении долгого момента мы лишь молча смотрели друг на друга.

В итоге я рассмеялась, закатив глаза.

— Это слишком молчаливо даже для тебя, муж, — сказала я.

Ревик вздрогнул. Затем из него выплеснулся жар, и он тут же выпрямил руки.

Вновь двигаясь с этой своей кошачьей грацией, он плавно опустился на меня всем телом, вынуждая лечь на спину. Его поджарое туловище скользило поверх меня как река. Это случилось быстро, как и большинство его физических действий, даже когда они были пугающе молчаливыми.

Я моргнула, а в следующее мгновение уже лежала под ним.

Ревик нависал надо мной, напрягая мускулистые руки.

— Ты назвала меня мужем, — его голос звучал мягко.

Я улыбнулась, всматриваясь в его прозрачные глаза.

— Ну, ты же приходишься мне мужем?

— Да.

— Мне не стоит называть тебя так?

Я слышала в моем голосе дразнящие нотки, и в голосе Ревика тоже. Я чувствовала, что он хочет поиграть, развеять своё беспокойство, а может, заодно развеять мою тревогу. Я чувствовала, как в нём усиливается та ожесточённая тяга к сексу, да и во мне она усиливалась от того, как он на меня смотрел.

— Мне стоит называть тебя как-то иначе? — я импульсивно вцепилась в него, стиснув его волосы. Другая моя рука изучала его грудь, задерживаясь, чтобы помассировать поджарые мышцы, затем притянуть его руку. Я смотрела, как Ревик прикрывает глаза, а выражение его лица напрягается.

— Я могла бы называть тебя одним из множества твоих шпионских псевдонимов, — предложила я. — Или мы можем

придумать новый, специально для меня. Чтобы ты не путался, кто ты такой, когда приходишь домой... или кто я такая.

— Я не буду путаться, — заверил меня Ревик.

Я улыбнулась, чувствуя, как мой свет искрит вокруг него, реагируя на взгляд его глаз.

— Уверен? — переспросила я. — Ты не будешь думать «Вчера я был русским шпионом. А сегодня в моей постели американская цыпочка. Что происходит?»

— Нет.

— Может, нам все равно стоит придумать тебе новое кодовое имя.

— Как насчёт «муж»? — предложил Ревик, слегка улыбаясь.

— Не слишком банально?

— Нет.

— Уверен?

Он опустил свой вес, прижимаясь твёрдым членом к моему голому бедру.

— Уверен, — ответил он, всматриваясь в мои глаза.

Моё лицо и подбородок напряглись прямо перед тем, как я посмотрела вниз, окидывая взглядом его тело, может, чтобы не смотреть ему в глаза, когда он вот так смотрел на меня. Я начала массировать его грудь, время от времени поднимая взгляд, чтобы увидеть, как отреагировали его глаза.

— Мне не стоило дразнить тебя? — в этот раз мой голос невольно прозвучал серьёзно. — По поводу разговорчивости? По поводу того, что ты много говорил после того, как кончил в первый раз? Потому что я не говорила тебе остановиться. Мне это понравилось. Очень понравилось.

— Правда?

— Да, — я подняла взгляд, слыша улыбку в его голосе. Но не улыбнулась в ответ. — После этого ты сделался очень тихим. Это моя вина?

Поначалу Ревик ничего не говорил.

И все же я понимала, что мои слова, а может быть, мои слова в сочетании с моими прикосновениями к нему влияли на него в таком отношении, которое я не до конца видела или понимала. А может, я понимала это, но не могла облечь в слова.

Скорее, это то, что я чувствовала в нашем свете.

Вся эта концепция «света» оставалась для меня новой, но теперь я поймала себя на том, что намного, намного острее осознаю это. Я начинала понимать, что имел в виду Ревик, когда говорил мне, что видящие обычно понимают других видящих через их свет, а не через слова или тела.

Для них привязанность возникала в основном на уровне света.

То есть, они хотели трахать тех людей, чей свет их возбуждал. Они хотели секса с теми людьми, чей свет их притягивал или как-то привлекал.

Он сказал, что любовь для видящих имеет другое значение из-за света.

Он также утверждал, что это делало видящих намного более верными по сравнению с людьми — по крайней мере, как только они вступали в моногамные отношения.

По правде говоря, здесь я все ещё была настроена скептически.

— И зря, — сказал Ревик, вновь всматриваясь в мои глаза. — *Gaos*, Элли. Ты ошибаешься на мой счёт. Ты реально охереть как ошибаешься на мой счёт. В таких вещах, о которых ты и не догадываешься.

Я поджала губы.

— Вот как? И в каких же вещах?

— Во многих, — сказал он. — Их больше, чем мне хочется сейчас перечислять. Больше, чем я хочу объяснять... прямо сейчас. Но только сейчас.

— Почему? — спросила я. — Почему не прямо сейчас?

— Потому что я снова хочу трахаться.

Я слегка вздрогнула, чувствуя, как распаляется мой свет.

Когда я посмотрела вверх, взгляд этих хрустальных глаз

сделался более глубоким.

— Ты пытаешься приободрить меня, не приободряя на самом деле? — спросила я, и в моем голосе прозвучало немало упрёка. — Ты так говоришь мне не спрашивать тебя о других женщинах?

Ревик не ответил, но я ощутила, как усиливается в нем эта интенсивность.

— Так я говорю тебе, что я снова хочу трахаться, — сказал он, все ещё всматриваясь в мои глаза. — И мне лишь сильнее хочется трахаться от того, что ты ревнуешь.

Я фыркнула.

— Супер. Неудивительно.

— Это риск брака с видящим. Один риск. Один из многих рисков, — помедлив, он добавил: — Мой член болит. Сильно, Элли.

Я вздрогнула во второй раз. Мой живот конвульсивно содрогнулся, затем тоже заболел.

— Я начну требовать все больше, — в его голосе зазвучало предостережение, немецкий акцент усилился. — Я ловлю тебя на слове, Элли, что просить — нормально. Пожалуйста, поймай меня на слове, что отказывать — тоже нормально. В любом отношении. Во всем.

Я кивнула.

— Ладно.

— Ладно.

Я опять кивнула.

— Да.

Меня предупреждали, что видящие прямолинейны в отношении секса. Мне говорили, что они не утруждаются любезностями, эвфемизмами, и не страдают от излишней скромности. И все же я пока не привыкла, чтобы это исходило от Ревика. Почему-то с моими друзьями-видящими это казалось менее странным, и не только потому, что в данный момент все это подразумевало практические действия.

Мне нужно привыкнуть к этому.

Меньше всего я хотела заставлять Ревика беспокоиться о том, можно ли быть со мной открытым. Мы с Ревиком все ещё могли заводиться с пол-оборота, поскольку мы практически не говорили об этом, но лишь я все ещё с трудом адаптировалась.

— Нет, Элли, — сказал он, прижавшись щекой к моей щеке. — Нет, не ты одна.

Однако он хотел попросить меня о чём-то; мой разум забрёл не настолько далеко, чтобы я об этом забыла. Я гадала, насколько глубоко он желал погрузиться в тёмные воды этого бассейна.

Затем я ощутила, что Ревик думает кое о чём конкретном, и тут же расслабилась.

— Ты хочешь, чтобы я сделала тебе минет? — спросила я.

По правде говоря, я испытала облегчение.

Мне нравилось это делать. В плане сексуальных услуг это определённо находилось в моей зоне комфорта, даже в числе моих любимых ласк. Ревик не просил, а я не настаивала, но я бы ни за что на свете не подумала, что он постесняется попросить меня об этом... Особенно если учитывать, что он удовлетворил меня языком через считанные минуты после нашего первого соития.

Ревик не ответил на мои слова.

Он также вновь закрывался от меня щитами.

Стиснув его чёрные волосы в руке, я легонько дёрнула.

— Эй, — позвала я, видя, что он избегает моего взгляда. — Тебе ведь этого хочется, верно? Ты хочешь, чтобы я проглотила? Или ты хочешь кончить на меня?

Боль выплеснулась из него разгорячённым облаком.

Я чувствовала, что Ревик пытается это подавить, все ещё избегая моего взгляда и вздрагивая под моими руками.

Сексуальная боль — это ещё один аспект жизни видящих, к которому мне пришлось привыкнуть. За последние девять месяцев я научилась с ней справляться, но не могу сказать, что по-настоящему адаптировалась к ней. В отличие от физической боли, эта боль скорее служила физическим выражением желания — боль, которая могла с вести с ума с одними лишь психологическими аспектами.

Конечно, она не просто так называлась болью. Это действительно было больно.

Если видящий долгое время никак не мог её выразить, то это причиняло очень сильную боль.

Большинство боли, которую я испытывала до сих пор, было вызвано нашей с Ревиком разлукой. Он предупреждал меня, что после того как мы займёмся сексом, на какое-то время все станет только хуже.

И тем не менее у меня перехватило дыхание, когда по мне ударило такой сильной дозой этой боли, особенно когда она принадлежала Ревик. Его боль все ещё по каким-то причинам влияла на меня сильнее — то есть, сильнее моей собственной.

Может, чтобы отвлечь себя, я начала ласкать его лицо и шею. Эта боль по-прежнему затопляла мою грудь, от неё язык во рту словно разбухал, и становилось сложно говорить.

— Ты не хочешь просить меня об этом? — спросила я. — Почему? Не то чтобы это странная просьба, муж. По твоим меркам так вообще ванильная.

Ревик все ещё не смотрел мне в глаза.

— Некоторым людям не нравится это делать, — неохотно ответил он.

Я почувствовала, как на него подействовало то, что я во второй раз назвала его мужем. Он прикрыл глаза, его акцент сделался сильнее, голос зазвучал гортанно.

— ... Некоторым людям не нравится делать это с видящими. Мужчинами-видящими. Некоторые боятся членов видящих. Ну, или они им просто не нравятся. Ты никогда не была с видящим, Элли.

Я кивнула, лаская его лицо.

Ревик закрыл глаза и опустил голову. Исходившая от него боль усилилась.

— Пожалуйста, — сказал он. — Я не причиню тебе боли.

Я покачала головой, но не в знак отрицания.

— Я не беспокоюсь об этом.

— Пожалуйста, — пробормотал он, целуя моё лицо, потираясь носом. — Пожалуйста, жена.

Его свет сделался мягким, а затем и его тело. Ревик поцеловал меня в губы, и я осознала, что поглаживаю его рёбра туда-сюда, все ещё легонько дёргая за волосы. Когда я продолжила изучать его руками, он издал надрывный звук и сильнее вжался в меня.

Когда я начала опускаться ниже по его телу, Ревик молниеносно быстро протянул руку и стиснул мои волосы в ладони.

Я помедлила, заволновавшись, что он меня останавливает.

Когда Ревик продолжил притягивать меня своим светом, безмолвно прося и чуть сдвигая своё тело в сторону, я осознала, что он вовсе не просит меня остановиться. Я ощутила, как им овладевает какое-то смирение, граничащее с покорностью, но он вновь просил меня.

До меня дошло, что он схватил меня скорее импульсивно, совсем как я схватила его. Взглянув на него, я увидела, что он даже сейчас борется с этим импульсом.

— Расслабься, — сказала я. — Боги, Ревик. Тебе нужно отпустить эту одержимость контролем.

— Я не могу, — сказал он. — Я могу сделать тебе очень больно, Элли.

Я покачала головой.

— Ты не причинишь мне боли.

— Могу. Я не хочу этого, но могу. Ты не понимаешь...

— Я понимаю.

Я правда понимала. Я чувствовала, о чем он говорил.

Во всяком случае, я мельком видела это.

То, что я чувствовала, меня не пугало. Честно говоря, меня это возбуждало.

Я хотела, чтобы он впал в это состояние. Я хотела этого так сильно, что готова была подтолкнуть его к этому, хоть и чувствовала в нём противоречие, ту его часть, которая беспокоилась, которая просила меня не делать этого. Я все равно притягивала его свет,

привлекая его так же чувственно, как это делал Ревик.

Когда я не остановилась, он издал низкий стон, мышцы его длинных ног содрогнулись.

— Бл*дь. Не делай этого.

— Чего ещё тебе хочется? — я все ещё всматривалась в его глаза, стараясь отвлечь его. — О чём ещё ты боишься меня попросить? Мы можем обсудить всё сразу, чтобы ты больше не сдерживался?

— Можно тебя привязать?

Он натурально выпалил эти слова. Я невольно засомневалась, что он вообще хотел это озвучивать.

Я кивнула, слегка улыбнувшись.

— Конечно.

Лицо Ревика приобрело относительно спокойное выражение.

— Я могу использовать на тебе другие предметы? Не только своё тело?

Уловив представления из его света, я кивнула.

— Да.

— Я могу сдерживать тебя? — он посмотрел на меня, затем пояснил: — Я имею в виду, некоторое время. Достаточно долго, чтобы это причиняло боль. Достаточно долго, чтобы это причиняло боль нам обоим, — в выражении его лица промелькнула боль, и Ревик вжался в меня. — Когда видящие делают так, это ощущается иначе. Более интенсивно. И когда я говорю, что будет больно, я не имею в виду немного, жена.

Всё ещё улавливая от него впечатления, я кивнула, чувствуя, как лицо заливает румянец.

Ревик поколебался, затем посмотрел мне в глаза.

— Могу я причинять тебе боль? Физически имею в виду.

Я вскинула бровь.

— Возможно, тебе лучше выразиться более конкретно.

Его свет притих. Я видела, как его лицо немного помрачнело в

отсветах пламени — настолько, что я тоже притихла, выжидая.

Я чувствовала, что Ревик закрывает свои мысли щитами, боясь меня напугать.

— Ты можешь причинять боль мне, Элли, — предложил он. — Есть очень мало вещей, на которые я ответил бы отказом.

Я кивнула, всё ещё всматриваясь в его лицо.

— Ты не хочешь мне говорить?

Я видела, что он думает, словно размышляет, о чём можно сказать. Затем он как будто бы сдался, словно не был уверен, что хочет углубляться в эту тему прямо сейчас.

Или, скорее всего, не хочет пока что.

Ревик посмотрел мне в глаза.

— Мы можем использовать стоп-слова.

Я кивнула, снова запуская пальцы в его волосы.

— Ладно.

— Какие-нибудь ограничения? — спросил он, пристально наблюдая за мной. — То, что определённо исключено?

Я задумалась на несколько секунд.

— Я бы очень хотела, чтобы ты меня не поджигал, — сказала я.

Воцарилось молчание, а затем Ревик разразился сдавленным смехом.

Каким-то образом этот смех помог нам обоим наконец-то расслабиться.

Осознав, что, наверное, на самом деле я могла справиться со всем, что происходит в его скрытном, недоверчивом, чрезмерно большом мозгу, я широко улыбнулась ему.

— Так что да. Огонь исключаем, — сказала я, прочерчивая решительную линию в воздухе — отрицательный жест на языке видящих. — И никакой имитации утопления.

— Принято, — Ревик, похоже, снова задумался, а затем поднял взгляд, и в его голосе прозвучало лёгкое смущение. — Я клаустрофобик.

Подумав над этим, я кивнула.

Логично, учитывая некоторые вещи, которые я от него ощущала.

— Так что никаких замкнутых пространств, Элли, — добавил он. — Никакого удушения. Не надо запираť меня в слишком тесных местах, где я почувствую себя не в безопасности. Мне это не понравится. Ни разу не понравится.

Я кивнула, посылая ему импульс заверения.

— Этого не случится. Никогда.

Я видела, что его лицо ещё немного расслабилось.

— Ещё что-нибудь? — спросила я.

— Для меня? Нет, — Ревик поколебался, затем бросил на меня более напряжённый взгляд. — Ну, я бы предпочёл не приглашать в нашу постель других людей. Во всяком случае, не сразу же.

Я вскинула бровь, стараясь не хмуриться.

Не сразу же?

Когда Ревик не стал вдаваться в подробности, я поймала себя на том, что обдумываю всё, что он только что сказал, включая то, о чём он меня просил, и то, на что он намекал, не говоря прямо.

Он рассказал не всё. Я знала, что может существовать ещё очень много всего.

Мой разум в фоновом режиме всё ещё обдумывал его последнюю фразу, пытаясь вычлениť её точный смысл. Я пыталась решить, присутствовал ли там посыл, который я не до конца слышала — нечто более срочное, чем гипотетическое «когда-нибудь».

Он серьёзно говорил по поводу других людей?

Прозвучало это чертовски серьёзно.

Я знала, что прямо сейчас он вряд ли пойдёт на такое, и хоть теоретически я согласна была повременить с этим разговором, лишь бы он озвучил главные вопросы, я невольно гадала, что же там ещё могло ожидать.

Дело действительно сводилось к другим людям?

— Я не хочу трахать никого другого, Элли.

Я подняла взгляд, посмотрев ему в глаза.

Я не задумывалась по-настоящему о том факте, что он был видящим, что он нависал надо мной, наблюдая, куда меня заносят его слова, и наверняка читая большую часть моих мыслей. Когда я посмотрела ему в глаза, Ревик наградил меня тяжёлым взглядом. Я чувствовала в нем ревность, что ещё сильнее сбивало меня с толку.

Я также чувствовала, что он злится на себя за эти слова, за то, что вообще поднял эту тему.

И все же я не могла заставить себя закрыть вопрос.

— Должно быть, ты думал об этом, — сказала я, изучая его прозрачные радужки. — Ты же поднял тему. Ты поднял её сейчас. Здесь. Должно быть, что-то приходило тебе на ум, даже если это всего лишь...

— Я сказал это для тебя, — в его глазах и голосе проступило более явственное предостережение. — Я сказал это для тебя, Элли. Не для меня. Я давал тебе знать, что я рассматриваю возможность дать тебе это, если ты меня попросишь. В теории. Позднее. Не сейчас. Сейчас я к этому не готов.

В этот раз мне оставалось лишь таращиться на него.

Он сказал это для меня?

С чего он вообще взял, что я захочу быть с другими людьми?

Я никогда не была той, которая искала экспериментов с другими людьми. Но когда я обдумывала возможности, включая те вещи, о которых просил меня Джейден, пока мы всё ещё были вместе, и когда он проходил свою «экспериментальную» фазу, мне вдруг вспомнилось кое-что.

Когда я в этот раз встретила взглядом с Ревиком, его глазами можно было резать стекло.

— Прости, — тут же выпалила я. — Ревик...

— Закрывай свои бл*дские мысли щитами, если не можешь не думать об этом придурке.

Прикусив губу, я ничего не сказала. Я старалась не обижаться на его тон.

Он предупреждал меня, что мы можем быть

гиперчувствительными. Мы оба.

— Прости, — сказал Ревик.

Я покачала головой, отмахнувшись, но не ответила.

Поскольку я всё ещё балансировала на грани панической атаки от того, что он упомянул гипотетическое присутствие в нашей постели других людей, я не могла утверждать, что он отреагировал слишком резко. В любом случае, Ревик уже ясно дал понять, что у него «проблемы» с моим бывшим парнем. Он не так прямолинейно объяснял, что это за проблемы, но я определённо уловила посыл.

Когда выражение его лица не смягчилось, я подумала сказать что-то ещё, затем решила, что не стоит.

Я решила, что мы достаточно поговорили.

Не дав ни одному из нас шанса передумать в этот раз, я вместо этого опустила ниже по телу Ревика, обхватив его ладонью, а другой рукой стиснув его бедро.

Затем я провела языком по его члену, пробуя на вкус всю его длину.

Всё его тело содрогнулось.

Ревик задержал дыхание.

Я не стала ждать остальной его реакции. Вместо этого я снова лизнула его, а затем взяла в рот по-настоящему, расслабив горло и приняв его полностью.

Ревик издал полный неверия стон.

Его рука сжалась в моих волосах. Выгнув спину, он попытался определить со своей реакцией. Я чувствовала, как он старается решить, стоит ли ему сесть, перекатиться и стоит ли ему вообще шевелиться. Когда я во второй раз взяла в рот всю его длину, он издал шокированный звук, крепче стиснув мои волосы.

— Элли... подожди... подожди... *gaos*, жена... подожди... пожалуйста...

Сорвавшись, он издал стон, все ещё оттягивая меня за волосы.

В этот раз я подчинилась, подняв голову.

Как только я оторвалась от него, Ревик несколько секунд лишь

задышался, глядя остекленевшими глазами в никуда. Когда он поднял взгляд, я посмотрела на него, но он лишь покачал головой, застонав.

— Я удлинюсь... я удлинюсь, жена. Прости. Я не могу это сдержать.

Когда я посмотрела вниз, его член пульсировал в моей руке.

Твёрдый кончик, который назывался *hirik* или «шип» на прекси, языке видящих, на моих глазах показался из головки его члена. Я продолжила поглаживать его.

Он был большим. Я упоминала это?

Мой новоявленный муж был отнюдь не маленьким по мужской части — вообще не маленьким.

Честно говоря, я не знала, что я чувствовала по этому поводу.

Как и большинство других вещей, с тех пор как мы с Ревиком начали это все, мне это нравилось и одновременно пугало, заставляло думать о других, с которыми он был. Хотя я возбуждалась просто от взгляда на его член, не говоря уж о том, чтобы ощущать его в себе.

В то же время логически я не знала, к чему отнести его относительно других видящих. Я не знала, был ли его размер обычным для мужчин-видящих, поскольку Ревик стал моим первым. Я не знала, был ли он средним, меньше среднего... Я лишь знала, что он был крупнее любого человека, с которым я бывала.

У него также была немного иная форма, но достаточно похожая на человеческую, чтобы разница была не катастрофической. Эта форма определённо попадала в категорию интересного, а не пугающего или отталкивающего.

Ревик крепче стиснул мои волосы, пока я смотрела на него в свете пламени.

Я чувствовала, что он хочет вновь ощутить на себе мой рот. Я чувствовала, что ему нравится, как я на него смотрю, но ему хотелось, чтобы я начала снова, когда он уже удлинился.

Он хотел этого так сильно, что с трудом сдерживался, чтобы не попросить.

Мне тоже этого хотелось. По какой-то причине мне нравилось заставлять его ждать. А ещё мне очень нравилось смотреть на него.

Отличия, которые я видела в нём, сейчас меня возбуждали.

Должно быть, Ревик услышал эти мысли, потому что он издал стон и в этот раз заговорил на прекси, языке видящих, который я всё ещё не знала.

— *Gaos... l'lenntare... jurekil'a, ilya... milaya^[1], gaos...*

Меня все ещё возбуждало, когда он говорил на языке видящих.

И неважно, что я по-прежнему знала лишь некоторые слова.

В данной тираде я поняла «бл*дь», «боги» и «пожалуйста».

Когда я снова взяла его в рот, Ревик издал надрывный звук.

— *Gaos...* осторожно! — прохрипел он. — Бл*дь. Будь осторожна, Элли... жена.

Его голос умолк, когда я обвела языком этот жёсткий шип.

От Ревика я знала, что нервные окончания в нем были безумно чувствительными вопреки тому, что на ощупь шип напоминал почти кость или хрящ. Когда я продолжила целовать его там, затем посасывать, затем стала постепенно брать его все глубже и глубже, все его тело обмякло. За считанные минуты Ревик как будто утратил контроль над всеми базовыми моторными функциями

А ещё он полностью умолк.

Опирая верхнюю часть туловища на руку, он источал какую-то растерянную покорность, которая лишь сильнее возбуждала меня. Ещё через несколько минут ладонь, поддерживавшая верхнюю часть его туловища, соскользнула, вынуждая Ревика опереться на локоть... затем лечь на спину.

Его другая рука оставалась в моих волосах, но он больше ничего не говорил.

Он как будто наполовину отключился. Однако его дыхание становилось все тяжелее, он уже откровенно задыхался, лёжа там и стискивая мои волосы.

— Я люблю тебя, — сказал Ревик, когда я не остановилась. — Прости, что я разозлился... Я прошу прощения за свои слова. О Джейдене.

«Эй, перестань, — я заговорила через свой разум, чтобы не

пришлось выпускать его изо рта. — *Не зацкливайся на этом, Ревик. Не беспокойся ни о чём. Не думай больше ни о чём».*

Я чувствовала, что он старается не кончить, чувствовала, что он уже близок, хоть я и пыталась скопировать те вещи, которые он делал, чтобы замедлить меня, когда я приближалась к разрядке. Он в основном использовал свой свет, чтобы отвлечь меня, привлечь моё сознание к чему-то другому. Я сумела немного откатить его назад, и Ревик снова застонал, а я ощутила, что какая-то его часть утрачивает контроль.

— Бл*дь, ты дразнишь меня, — в его словах звучало неверие. Он издал очередной стон. — Элли. Я не уверен, что сейчас это хорошая идея. Не думаю, что тебе стоит дразнить меня.

«Эй, — напомнила я ему. — Ты сказал, что в этом нет ничего страшного. Ты сказал, что хочешь этого. Или только тебе разрешается делать это со мной?»

Воцарилось молчание. Я почувствовала, как его разум мечется вокруг этого.

Затем я ощутила, что Ревик кивнул, улёгшись обратно на пол и тяжело задышав.

Он немного сместил своё тело, и я осознала, что так он мог наблюдать за мной.

Его очень, очень сильно возбуждал вид того, как я делаю это с ним.

— Да, — он издал низкий хрип. — Да, — он крепче стиснул мои волосы. — И да... ты можешь делать со мной все что угодно. Просто... — жёсткий импульс боли выплеснулся из его света. — Бл*дь, я фантазировал об этом, Элли. Много, — добавил он. — Охереть как много. Больше, чем я готов признаться.

Я невольно рассмеялась, но не остановилась.

«Надеюсь, после всех этих фантазий реальность не разочаровала», — пошутила я.

Поначалу он не ответил.

Ещё через несколько секунд его боль сделалась невыносимой, такой сильной, что я с трудом видела, думала или даже дышала сквозь неё. Я боролась со своим светом, заставляя себя вновь слегка

успокоить его. При этом его пальцы сжались в моих волосах.

— Лучше, — его пальцы стиснулись до боли. — Это лучше, чем я себе представлял. Боги. Я думал, ты не станешь делать это со мной. Хотя ты делала это всякий раз, когда тот ублюдок просил тебя...

«Ревик. Детка, брось... забудь».

— Я не могу. Я хочу. Я не могу, — его пальцы сжались ещё сильнее, заставив меня ахнуть. — Я смотрел, как ты делала это с ним, — его боль усилилась. — *Gaos...* несколько раз ты делала это в публичных местах. Ты бы сделала это для меня, Элли? Сделала бы?

Я не ответила не потому, что не сделала бы этого — конечно сделала бы — но скорее потому, что не хотела поощрять его мысли о Джейдене.

Я также не останавливалась.

— Я ревновал, — признался Ревик несколько секунд спустя. — Я охереть как ревновал. Я годами ревновал. Но это ещё не все, Элли.

«Ревик, — перебила я. — Я понимаю ревность. Ты знаешь, что я понимаю ревность. Все хорошо. Просто я не хочу, чтобы ты беспокоился об этом сейчас. Для этого нет причин. Богом клянусь, нет совершенно ни единой причины. Просто вся эта связь сводит нас обоих с ума».

Его боль усилилась, а пальцы смягчились, лаская моё лицо.

Я гадала, не будет ли лучше, если Ревик поговорит об этом. Может, мне не стоило затыкать его, когда он рассказывал мне о своих чувствах. Он издал надрывный стон, когда я глубже скользнула по нему языком и губами, сильнее притягивая его своим светом.

Я почувствовала, как все его тело становится жидким, а секундой спустя Ревик выгнулся и толкнулся мне в рот.

Когда я сделала это ещё раз, его контроль соскользнул по-настоящему, и тогда по нему ударил страх. Страх, что он действительно причинит мне боль, если не сумеет меня замедлить.

Затем я ощутила, как он думает о соитии, и не только одним способом.

Вместе с этим пришла вспышка жестокости, смешанная с не утихавшей ревностью — образы того, как он бьёт меня, трахает,

заставляет меня кончить, и моя боль усилилась, что лишь умножило его боль. Несколько долгих минут Ревик лишь лежал там, хрипя и пытаясь вернуть контроль.

— Моя первая жена изменяла мне, — выпалил он.

Я не ответила. Я знала об этом.

Я видела это, когда он делился со мной воспоминаниями.

— Ты знаешь, — сказал он. — Ты видела это.

«Ревик, — мягко послала я. — Муж. Я не поступлю так с тобой. Обещаю, я этого не сделаю».

Боль дрожью прокатилась по его свету.

— У неё были основания... это не её вина...

«Я не сделаю этого, Ревик. Ни по какой причине. Обещаю».

Его боль усилилась, как и его немецкий акцент.

— Элли. Это не угроза. Боги, это не угроза, ничего такого... но тебе нужно знать. Я не смог бы справиться, если бы ты это сделала. Я не смог справиться с её изменой, но с тобой я просто слетел бы с катушек. Это убило бы меня, Элли. Я бы захотел простить тебя за это. Я бы захотел... но бл*дь, это бы убило меня. Это выбило бы меня из бл*дской колеи на долгие годы...

«Ревик, эй. Пожалуйста, детка. Пожалуйста, не беспокойся об этом...»

— Я знаю, что ты мне не доверяешь, — его голос зазвучал жёстче. — Я это знаю. Но ты можешь мне доверять, Элли. Клянусь богами, можешь. Ты можешь мне доверять.

«Ты опять становишься разговорчивым, — я притягивала его, уговаривала его свет, стараясь вытащить из этих мрачных мыслей. — Ты хочешь, чтобы я перестала, и мы смогли поговорить? Или это просто значит, что тебе нравится?»

Он ударил по мне жёстким завитком жара, таким интенсивным, что у меня перехватило дыхание.

— Мне нравится, — его боль усилилась. — Мне это нравится, жена. Слишком нравится.

Я не была уверена, как это понимать.

— Я кончу, если ты не остановишься, — сказал он. — Я кончу очень скоро.

«Ты хочешь, чтобы я тебе позволила?»

Его боль резко подскочила, заставив меня задержать дыхание.

Я чувствовала, как он думает, пытаюсь решить.

Секунды спустя Ревик схватил меня за волосы другой рукой и стал оттаскивать от себя — сначала нежно, затем все более настойчиво. Когда мои губы отпустили его член, он хрипло вскрикнул, и в его голосе прозвучало столько боли и томительного желания, что это ударило меня в грудь как кулак.

Затем он лишь лежал там, хватая ртом воздух и сжимая мои волосы в руках.

Ещё не увидев его лица, я чувствовала, как он сосредотачивается.

Открыв глаза, Ревик уставился в потолок.

Почувствовав, что он делает, я посмотрела на его член и увидела, что та жёсткая часть постепенно отступает. Я гадала, как он сделал это. Это был эквивалент того, как человеческие мужчины думают во время секса о бейсболе, чтобы не дать себе кончить?..

Ревик издал невольный смешок.

Затем он перекатил меня и раздвинул мои ноги своими.

Я едва оправилась от этого...

... как он уже скользнул в меня до упора.

Он снова удлинился, как только пристроил свой член в нужное место.

Я вцепилась в него, невольно застонав.

Я ещё не привыкла к этому — то есть, к тем аспектам собственной биологии, с которыми меня познакомил Ревик. Будучи видящей, я имела женскую противоположность его *hirik'a*, которую называли на прекси *slit*, но не в человеческом значении слова^[2].

Slit видящих устроена так, чтобы принимать в себя удлинившийся *hirik*.

В результате, когда мы трахались, у меня возникало такое

чувство, будто он буквально пронзал меня до самого пола.

Было больно. Но в то же время так безумно приятно, что мне казалось, будто я вот-вот умру от наслаждения.

Приподнявшись на одной руке, Ревик свободной ладонью стиснул мою задницу, наклонив наши тела так, чтобы он смог войти ещё глубже. Расположив меня так, как ему хотелось, он грубо вдолбился в меня. Затем вошёл ещё жёстче, не дав мне оправиться. В этот раз тоже было больно, но ощущалось так охеренно приятно, что я едва не отключилась.

Я хватала его за волосы, за шею... за спину.

Такое чувство, будто я не могла притянуть его достаточно близко.

Я впивалась в него ногтями, заставляя Ревика выгибать спину. Я осознала, что какая-то часть меня хотела причинить ему боль, как он и предлагал. Я гадала, не переняла ли это желание от него.

Услышав меня, Ревик впился зубами в моё плечо, прокусив кожу.

Кажется, в этот раз я заорала в голос. Он вдолбился в меня ещё жёстче...

Я кончила, шокировав, пожалуй, нас обоих, и Ревик тяжело застонал.

— Элисон... *gaos... l'lenntare... l'lenntare...*

Я чувствовала, как он старается контролировать себя.

Какая-то часть меня боролась с этим, пытаюсь помешать его попыткам. Я чувствовала, как он старается контролировать свой свет, воздвигнуть там какую-то стену, и я тоже дёргала за неё, притягивала его, отвлекала, а затем принялась бить его своим светом, пока он не утратил контроль по-настоящему.

Когда я ударила его физически, прямо по груди, Ревик застонал и вдолбился в меня, погружаясь ещё глубже и наблюдая за реакцией на моем лице.

«Бл*дь. Ты не успокоишься, пока я не выйду из себя по-настоящему».

«Нет, — сказала я ему. — Не успокоюсь».

«Я буду говорить намного, бл*дь, больше, если это случится», — пробормотал он.

В этот раз я рассмеялась в голос.

— Ты так говоришь, будто это угроза.

— Может, это и есть угроза, — сказал он. — Это тебя беспокоит? Выслушивать все это?

— Боже, нет. Это безумно возбуждает.

Мышцы его рук напряглись. Ревик возобновил хватку, изменив угол перед тем, как снова вдолбиться в моё тело, проникая ещё глубже, заставляя меня вскрикнуть. Когда он сделал это ещё раз, я издала настоящий вопль, который все длился и длился, потому что Ревик не останавливался.

Я вновь ощутила себя на грани оргазма.

В этот раз Ревик остановил меня, используя свой свет.

Он сделал это так быстро, что я ахнула, затем попыталась вернуться в прежнее состояние.

Однако не могла.

Он продолжал сдерживать меня, трахая все глубже и грубее, сосредотачиваясь на том, чтобы держать меня на грани и не давать сорваться. Через несколько минут я попыталась снова ударить его кулаками, но это лишь сильнее возбудило Ревика.

«Ты получишь то, чего ты от меня хочешь, жена, — мягко сказал он мне. — Я лишь надеюсь, что ты действительно захочешь этого, когда это случится».

Я рассмеялась, впиваясь ногтями в его плечи.

Через несколько минут я уже бессвязно повторяла его имя.

Я чувствовала, как резко усилилась от этого его боль. Он сдерживал меня, более нарочито используя свой свет, притягивая меня, затем сдерживая. Он продолжал трахать меня медленнее, жёстче, пока я вся не покрылась потом, извиваясь под ним.

Затем я умоляла его. Умоляла его.

Я чувствовала, как это воздействует на него.

Я чувствовала там и кое-что ещё.

Ревик говорил мне правду.

В этот раз он не собирался останавливаться. Он собирался дать мне то, чего я хотела. Он собирался позволить себе утратить контроль — по-настоящему утратить контроль.

Я гадала, останемся ли мы прежними после этого.

notes

Примечания

Вполне возможно, что тут Ревик перешёл на русский («милая»). Андрижески в других своих книгах уже использовала такой способ написания русских слов — транслит латиницей и курсивом.

Slit с английского — щель, трещина, длинный разрез.